

Ю. А. ПЯТИЦКИЙ

ОТЗЫВ Л. А. МАЦУЛЕВИЧА
О ВИЗАНТИЙСКОЙ МОЗАИЧНОЙ ИКОНЕ
ИЗ СОБРАНИЯ П. П. ЛИХАЧЕВА

В коллекции Государственного Эрмитажа хранится мозаичная икона (инв. № в-1125) с изображением четырех святителей: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Николая Чудотворца и Григория Богослова. Мозаика вставлена в живописное обрамление с изображением Денуеца на верхнем поле; евангелиста Матфея и святителя Иоанна Златоуста — на левом; евангелиста Марка и святителя Спиридона — на правом поле; святых Флора, Лавра и Анастасии — на нижнем поле. Между изображениями святых вставлены кусочки монет, на которых видны остатки славянских надписей тюркским золотом с обозначением имен святых. Обратная сторона иконы была закреплена двумя фрагментами тканей, снятыми во время реставрации и хранящимися отдельно. Эти сильно загрязненные, практически черные, ткани были очищены и реставрированы в мастерской Эрмитажа. Оказалось, что нижняя ткань — великолепный итальянский шелк XVI в., а верхняя — китайская камка XVII в.

Памятник (икона и обрамление) неоднократно реставрировался в мастерской Эрмитажа: в 1939 г. — Ф. А. Калинин, в 1954—1957 гг. — П. И. Костровым (в это время мозаика была выписана из обрамления), в 1978 г. — Т. С. Васильево (мозаика), в 1973—1974 гг. — Т. Д. Чижовой (живописное обрамление). Во время реставрации внешний вид мозаики неоднократно претерпевал различные изменения, что зафиксировано во многих публикациях этого памятника. В частности, с фона мозаики были удалены серебряные пластины с русскими надписями и насечкой, имитирующей мозаичный набор, убран жемчуг и бисер с окладов книг. Наконец, основываясь на найденных фрагментах золотых пластинок, реставраторы имитировали мозаичный набор фона и нимбов. Все эти реставрационные вмешательства нарушили исторически сложившийся комплекс, потому что серебряные пластины были утрачены, а имитация фона уничтожила оригинальную восковую основу с отпечатками мозаичного набора. Столь кардинальные реставрационные изменения происходили из-за

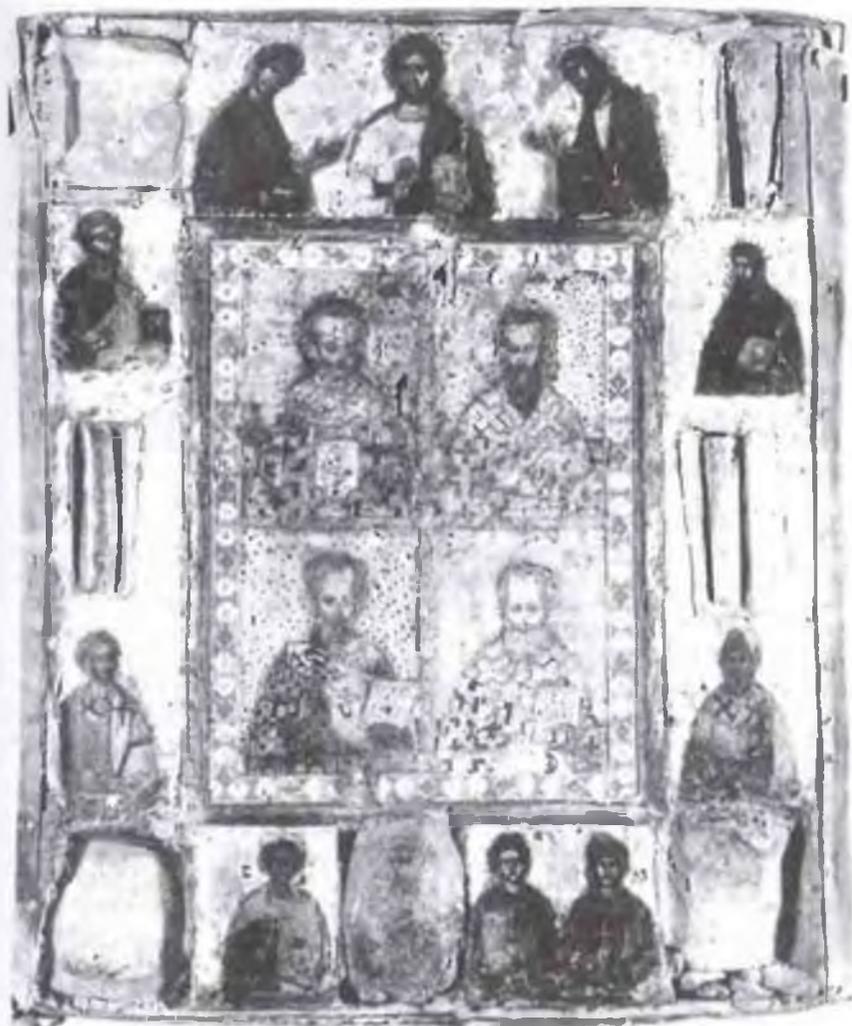
принятого в 1950-х годах постулата о позднем, XIX в., соединении мозаики и живописного обрамления. Сегодняшний уровень наших знаний позволяет утверждать, что икона была вмонтирована в живописное обрамление еще в XVI в. Она входила в число царских реликвий и является памятником не только высокохудожественным, но и историческим.¹

В связи с этим представляет интерес неизвестное ранее экспертное заключение об этом памятнике, сделанное крупнейшим византинистом Л. А. Мацулевичем.

Леонид Антонович Мацулевич (1886—1959) — член-корреспондент Академии наук Грузинской ССР, тридцать лет, с 1919 по 1949 г., работал в Эрмитаже: вначале в Византийском отделении Отдела древностей, а с 1931 г. — в Отделе истории первобытной культуры. Говоря о научных заслугах ученого, достаточно отметить, что если бы из его творчества сохранилась только одна работа, «Византийский антик», то и тогда его имя было бы внесено в ряд крупнейших византинистов XX в. Человек из произведения искусства, понаблюдав в так называемый памятник как исторического источника, Л. А. Мацулевич был переклассным, опытным музейщиком. Он принимал участие в реквизиции эрмитажных сокровищ из Москвы в 1920 г.; две знаменательные выставки были проведены под его руководством и при самом активном участии: «Выставка церковной старины» в 1922 г. и «Византия и эпоха переселения народов» в 1927 г. Первая из упомянутых выставок была организована из произведений искусства, попавших в так называемый Государственный музейный фонд. Там были собраны предметы, предназначавшиеся для продаж на антикварном рынке, переплавки в металлы, подлежащих демонтажу и изъятию драгоценных камней. По существу, добившись организации этой выставки, Л. А. Мацулевич спас от уничтожения ряд высокохудожественных памятников русского и западноевропейского искусства. Вторая выставка должна рассматриваться как одна из первых в мире специальных экспозиций византийского искусства. Проблематика, обозначенная Л. А. Мацулевичем в названии выставки, была необыкновенно повторовской и не имела аналогий ни в одном музее мира. Соотношение собственно византийского искусства и варварского окружения, столичного и провинциального искусства на долгие годы определило направление научных изысканий эрмитажных специалистов.² Неоднократно приходилось Л. А. Мацулевичу выступать в качестве музейного эксперта, особенно в 1920-е годы, в период национализации частных коллекций и разбора в Музейном фонде уже конфискованных ранее произведений искусства. Благодаря этой стороне деятельности Л. А. Мацулевича Эрмитаж по-

¹ *Питинский Ю. А.* Византийская и поствизантийская живопись // Из коллекции И. П. Лихачева: Каталог выставки. СПб., 1993. С. 77, 82—83, № 224; *Piatitsky Yu.* Imagery of Byzantine Pabzologian Icons in Old Russian Art // The Metropolitan Museum of Art Symposium, 2004 (in print).

² *Балк А. В.* Леонид Антонович Мацулевич (1886—1959): Некролог // Византийский Временник. М., 1960. Т. XVII. С. 373—378; *Белодерови О. А.* Л. А. Мацулевиц // Советское искусствоведение. М., 1987. Вып. 21. С. 334—337; *Залесская В. И.* Л. А. Мацулевиц // Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991. С. 74—78.

Мозаичная икона из б. коллекции Н. П. Лихачева.

полнысь уникальньми памятниками византийского искусства. Можно отметить коллекцию резной византийской кости М. П. Боткина, серебряные сосуды из уральских музеев, равенскую мозаику из капеллы Александрийского парка в Петергофе, наконец, мозаичную икону из коллекции Н. П. Лихачева. Правда, справедливости ради, следует отметить, что отчасти благодаря отзыву Л. А. Манулевича были проданы за границу перегородчатые эмали М. П. Боткина, где наряду с подделками и имитациями начала XX в. имелись первоклассные об-

разны настоящих византийских перегородчатых эмалей.³ Нам, живущим в другое время, трудно проникнуть во все коллизии тех сложных лет; скудные строки архивных документов нередко еще более запутывают, а не проясняют ситуацию, поэтому не будем излишне строги к «делам давно минувших лет». Во всяком случае именно благодаря Л. А. Мадзулевичу мы можем сегодня изучать многие памятники религиозного искусства, в том числе византийскую мозаичную икону из собрания Н. П. Лихачева.

Это уникальное произведение византийского искусства принадлежало известному петербургскому ученому и коллекционеру Николаю Петровичу Лихачеву. Время поступления иконы к нему неизвестно, но в 1913 г. она уже находилась у Н. П. Лихачева. В том году он продал свое знаменитое собрание русских, византийских и постовизантийских икон в Русский музей имени императора Александра III в Санкт-Петербурге. При передаче Н. П. Лихачев специально оговорил, что мозаика с изображением четырех святителей не входит в число продаваемых икон и не передается в музей.⁴ Из переписки 1920-х годов Н. П. Лихачева и А. В. Орешникова, как установила А. В. Банк, стало известно, что Н. П. Лихачев придавал большое художественное значение данному памятнику и мечтал сам опубликовать его в специальной работе о византийских портативных мозаиках. К сожалению, это его намерение, по-видимому, не было осуществлено; во всяком случае в архиве ученого не удалось обнаружить такую статью. Придавая особое значение данному памятнику, Н. П. Лихачев держал икону среди личного имущества и всячески подчеркивал, что она не относится к музейным коллекциям Института книги, документа и письма (ИКДП). Последний был организован самим Н. П. Лихачевым на базе своих собственных коллекций, переданных им вместе с домом на Петрозаводской улице Академии наук в послеволюционные годы. По так называемому «Академическому делу» ученый был арестован 28 января 1930 г. Ему было предъявлено обвинение в «активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации». Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 августа того же года он был осужден на высылку в Астрахань сроком на 5 лет «без конфискации имущества» (подчеркнуто мною. — Ю. П.). В сентябре 1931 г. Н. П. Лихачев был уже в Астрахани. В сентябре 1933 г. ему удалось вернуться в Ленинград на операцию, а в феврале 1934 г. — получить паспорт на проживание в Ленинграде и даже поступить на временную работу в ИКДП в странной должности то ли сторожа, то ли музейного смотрителя.⁵

Находясь в тяжелых материальных условиях, с глубокой психологической травмой, Н. П. Лихачев, несмотря ни на что, стремится вернуться к полноценной научной работе. Он просит Президиум Акаде-

³ *Письма Ю. А. Коллекция перегородчатых эмалей* М. П. Боткина (в печати).

⁴ Краткие сведения о составе коллекции Н. П. Лихачева (ГРМ, Ведомственный архив. Оп. 1. Д. 556. Л. 68).

⁵ *Климентов Л. Г.* 1) Николай Петрович Лихачев — коллекционер церковного рисунка // Из коллекции Н. П. Лихачева: Каталог выставки. СПб., 1993. С. 7—28; 2) Ученый и коллекционер, известный всей России, еще более Европе // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 424—453.

мин наук, в чьем ведении находились музей НКПД, выдать ему ряд его научных материалов, рукописей и авторских экземпляров его собственных сочинений. Просит вернуть и некоторые личные вещи, конфискованные при аресте или изъятые администрацией Музея НКПД во время его ссылки. В том числе он просит возвратить ему мозаичную икону, «относя последнюю к разряду некоторых вещей, бывших в его кабинете и спальне, не относящихся к коллекциям и не принадлежащих к составу Музея». Директор музея НКПД А. С. Орлов и ученый секретарь А. С. Емельянов обратились за консультацией к Л. А. Мацулевичу в Государственный Эрмитаж. Приведем отрыв, данный Л. А. Мацулевичем об этом замечательном памятнике средневекового искусства.

«Предъявленная мне в Институте книги, документа и письма икона принадлежит к числу редчайших и уникальных памятников византийского искусства. Средняя часть ее с изображениями Иоанна Златоуста, Василия Великого, Николая Чудотворца и Григория Богослова выполнена миниатюрной мозаикой по расколотой основе. Она является изданием придворных Константинопольских мастерских конца XIII—XIV вв. Значение иконы тем крупнее, что аналогичных памятников сохранилось единицы: две иконы праздников во Флоренции, «Благовещение» в Лондоне, Георгий в Париже, в СССР — две небольших в Государственном Эрмитаже, в Историческом музее (в Москве. — Ю. П.), в Музее искусства ВУАН в Киеве.

Сохранность памятника исключительна, повреждения ничтожны. Дополнениями XVIII века, сделанными в России, являются металлические набивки с русскими надписями на фоны и книги. Это указывает, что икона уже давно находится на территории СССР. Эта основная и особо ценная часть предмета сделана в живописную раму, хотя по предмету и недалеко отстоящую от мозаической части, но не являющуюся непосредственной частью ее. Живопись высокого качества и представляет, безусловно, музейный интерес. Между изображениями вставлены реликвии в виде костей, на которых в позднейшее время были нанесены золотом русские надписи, подражающие позднему уставу. Дерево с обратной стороны не могло быть осмотрено, так как закрыто двумя слоями тканей.

В целом икона — исключительный, выдающийся памятник порядка перьюклавских музеев.

Профессор Государственного Эрмитажа Л. Мацулевич.
17 мая 1934 г.»⁶

Отрыв Л. А. Мацулевича был доведен до сведения Непременного секретаря Академии наук вместе с просьбой администрации НКПД «отказать Н. П. Лихачеву в выдаче иконы, представляющей выдающееся значение для художественного музея и едва ли относящейся к составу „некоторых вещей“ частного характера. По мнению НКПД, упоминаемый памятник византийского искусства мог быть передан Академией наук на условиях обмена в Государственный Эрмитаж. Ес-

⁶ СПбФА РАН. Ф. 217. Оп. 1. Д. 33. Л. 7—7 об.

ли это не вызывает сомнений, ИКПД просит разрешить ему вести предварительные переговоры с Гос[ударственным] Эрмитажем о возможности обмена». ⁷Согласия не последовало. Видимо, определенные сомнения в этичности возникшей с Н. П. Лихачевым ситуации все же были. Правда, икона не была возвращена владельцу, но благодаря отзыву Л. А. Мацулевича не затерялась в музейных фондах и не была передана «для реализации» в Антиквариат. Лишь четыре года спустя, когда в результате очередных «революционных» преобразований Музей ИКПД был расформирован, мозаичная икона поступила в Эрмитаж вместе со многими другими памятниками византийского искусства. С 1938 г. она хранится в его коллекции.

Впервые памятник был опубликован хранителем Эрмитажа, выдающимся византинистом А. В. Банк в 1960 г. На основании сравнительного анализа мозаичной части иконы она отнесла ее к началу XIV в., проведя параллели с мозаичной иконой «Св. Иоанн Златоуст» из коллекции Думбартон Оакс в Вашингтоне. Живописную часть она датировала XIII—началом XIV в. Естественно, что сомнений в константинопольском происхождении памятника также не было. ⁸ Несмотря на тщательное изучение иконы, А. В. Банк обошла стороной вопрос о длительности бытования данного произведения на русской почве. В этом плане краткое замечание Л. А. Мацулевича представляет особый интерес и получило подтверждение при дальнейшем изучении иконы. ⁹

В своем заключении Л. А. Мацулевич упомянул далеко не все известные ему мозаичные иконы в зарубежных собраниях. Сегодня число византийских портативных мозаик, введенных в науку, возросло. В разных собраниях мира насчитывается более 50 произведений. ¹⁰ Однако они по-прежнему остаются редчайшими произведениями византийского искусства и вызывают пристальное внимание исследователей. Поэтому каждая оценка, тем более сделанная столь авторитетным ученым, как Л. А. Мацулевич, представляет интерес. Определенное значение имеет и неизвестная ранее страница в истории бытования этой замечательной иконы, требующей, без сомнения, подробной монографической публикации.

SUMMARY

The portable mosaic icon with images of The Four Father of Church, the unique item of the Byzantine art, is in the collection of The Hermitage museum. The Byzantine mosaic mounted in a painting frame with the ima-

⁷ Там же. Лл 6—6 об.

⁸ Банк А. В. Мозаичная икона из бывшего собрания Н. П. Лихачева // Из истории русского и западноевропейского искусства. М., 1960. С. 185—194.

⁹ Боддедт О., Бригглер Э., Пюшницкий Ю. Спийд. Византизм. Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века. Каталог выставки. Лондон, 2000. С. 146—148, кат. В-124, с библиографией; Byzantium. Faith and Power (1261—1557) / Ed. by H. C. Evans. New York, 2004. P. 225—227, N 134 (Yu. Pratinitsky).

¹⁰ Furlan I. Le icone bizantine e mosaico. Milano, 1979.

ges Diesis and seven saints and holy relics (bone) of the depicted saints. This icon has entered in The Hermitage in 1938, when Museum of the Book, Document and Letters of The Academy of Sciences was closed. This museum was founded in 1918 by Nikolai Likhachev, famous Russian scholar, with his personal collections, library and house. However this unique Byzantine item is connected with terrible time of the history of our country. It was a personal private property of Nikolai Likhachev and was confiscated during his arrest and exile to Astrakhan in 1930. The mosaic icon was transferred to Academy museum. When was solved the destiny of this unique monument of medieval art, in 1934, it was examined by Leonid Matezulevic, the curator of The Hermitage museum and one of leader in the study of Byzantine art. He at once has estimated importance of this icon, has given in his conclusion absolutely correct attribution both mosaic, and painting frame. He attributed mosaic to Constantinople workshops of the late 13th to early 14th century. Matezulevic recommended transferring this icon to The Hermitage museum, where two Byzantine mosaic icons from Basilevsky's collection are there. But it was take place only in 1938. Icon was restored some times in the Hermitage studio and it was published at first time only in 1960 by Alice Bank, a curator of the Byzantine collection and great expert in the Byzantine applied art. Despite of this fine publication, the opinion by Leonid Matezulevic is very interesting, as a first attribution of this object, and as excellent scientific work. That is why, we believe to publishing of the archive documents is necessity.